

А. М. ЕЛСУКОВ

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ГНОСЕОЛОГИИ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

Проблема познаваемости мира тесно связана с вопросом о том, как соотносятся между собой такие противоположности бытия, как материальное и идеальное, объективное и субъективное, физическое и психическое. Суть этой проблемы состоит в том, что если духовное (идеальное) не содержит ни граña материи, не определяется никакими физическими свойствами, то, естественно, возникает вопрос, каким же образом могут воздействовать друг на друга эти две взаимоисключающие сущности, как может осуществляться переход из одной области в другую. Фиксируя трудность этого перехода, еще в начале нашего века Н. Лосский писал: «Физик полагает, что царство материального бытия состоит из атомов и их движений, и никак не может найти переход из этой области в сферу психического. Психолог полагает, что царство душевного бытия состоит из Я и его ощущений, представлений, вообще психических состояний, и никак не может найти переход из этой области в сферу физического»¹.

Мало чем отличается подход к этой проблеме и у современных философов. М. Мамардашвили, например, считает, что «сознание — это весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь... Сознание не поддается объективированию. Любая попытка в этом направлении неминуемо кончается неудачей»². Подобных высказываний достаточно много в научной и философской литературе. Из них следует, что вопрос о совместимости материального и идеального, физического и психического имеет основополагающее значение, определяет суть того или иного философского понимания мира. Вся история философии — это мучительная попытка преодоления этой роковой раздвоенности мира, попытка совмещения несовместимых по своей природе противоположностей, ибо, что бы ни говорили о мысли (об идее, об уме, о знании), в конечном итоге всегда встает вопрос о том, как идеальное соотносится с материальной субстанцией, как мысль (идеальная по своей природе сущность) существует в мозгу человека (являющим собой сгусток материи) — это с одной стороны, а с другой — как мысль соотносится с объективным миром в процессе отражения, как она постигает скрытую сущность явлений. Попытки решения этого вопроса воплотились во множестве гносеологических концепций. При всем разнообразии этих концепций их можно сгруппировать в два основных подхода: объективистский и субъективистский.

Сторонники первого подхода, несмотря на всю трудность указанной проблемы, стремились все же отыскать связующие звенья между материальным и идеальным, объективным и субъективным. Сторонники же второго подхода, отступая перед трудностью разрешения данной проблемы, пытались обойти ее, отбрасывая как метафизический вопрос о внешнем источнике знания и переводя гносеологическую проблематику в чисто психологическое русло (концепции субъективизма, агностицизма, иррационализма, интуитивизма и мистицизма).

Объективистские концепции строились на основе как материалистических, так и объективно-идеалистических идей. Разница между ними заключалась лишь в том, что материалисты, стремясь размыть границу между

материальным и идеальным, постулировали их глубокое взаимопроникновение друг в друга; с одной стороны, полагая, что всем предметам присущи духовные свойства (гилозоизм), с другой стороны, саму душу трактуя как проявление особо тонкой материи (вульгарный материализм); а идеалисты, наоборот, жестко противопоставив материальное и идеальное, душу и тело (именно в философии Платона понятие «идеальное» получает свое философское обоснование), связь между ними видели в наличии некоего всеобщего духовного начала, которое воплощается в сущностях предметов и в разумной душе человека, то есть сущность предмета и познающая душа человека оказывались родственными по своей субстанции.

Объективистские концепции и материалистического, и идеалистического толка в своей классической форме определились уже в античной философии. Большинство философов-материалистов этого периода были убежденными сторонниками того, что дух пронизывает всю материю, и что сам дух — это очень тонкая материя. На этой основе легко можно было доказать связь между материей и сознанием, так как они оказывались одной природы и легко проникали друг в друга как в бытийном (онтологическом), так и в гносеологическом планах. Так, например, в философии Демокрита душа определялась как тепло, воздух, как особо тонкая материя, состоящая из наиболее подвижных атомов и пронизывающая все тела и предметы природы. На этой основе чувственное познание истолковывалось как улавливание особых «идолов» (образов), которые испускаются телами, носятся в воздухе и попадают в соответствующие органы чувств. На базе такого отражения формируется мнение, или «темное познание». Высшее же познание (или истинное) осуществляется разумом (разумной материальной душой) и нацелено на постижение сущности предметов (которая представляет собой особое сочетание атомов). Таким образом, по Демокриту, разум непосредственно улавливает атомарную сущность предметов, или их истинную природу.

При такой трактовке отражения разум как бы обрекался на абсолютно истинное познание: все, что в нем возникало, так или иначе определялось внешним источником, объектом отражения и ни в коей степени не зависело от природы самого разума, его творческой активности. Не оставалось места ни для фантазий, ни для заблуждений, ни для ошибочных, ни для верных решений — именно решений, а не просто отражения.

Подобный ригоризм в трактовке истинного познания (его абсолютной зависимости от объекта отражения) отклонил маятник философского мышления в противоположную сторону, породив античный субъективизм и скептицизм, неверие в возможность установления каких-либо объективных критериев истины, что нашло свое воплощение в протагорском (и у софистов в целом) тезисе о том, что любое мнение и есть истина.

Этот субъективный произвол не мог, видимо, удовлетворить научно-философскую мысль даже античного общества, поэтому в нем начинаются поиски новых критериев объективно истинного знания, которые нашли свое воплощение в концепциях объективного идеализма. Представители этого направления попытались преодолеть барьер между материальным и идеальным за счет абсолютизации идеального начала. От Платона до Гегеля и современных неотомистов допускается существование особого идеального мира, как некоей истинной сущности бытия. Наличие этой сущности определяет как факт существования предметов, так и возможность их истинного объективного познания, ибо душа человека, его разум оказываются сродни мировому духу, а через него сродни и познаваемой сущности предметов. Познание в этой концепции предстает как процесс дематериализации, как освобождение идеальной (а это значит и абсолютной) сущности предметов от их материальной оболочки, родственное соединяется с родственным, подобное познается через подобное, так как идеальность сущности сливается с идеальностью понятия. Так, в онтологическом и гносеологическом смыслах достигается единство, которое нарушается в рамках земного бытия, обреченного быть разделенным на светлый дух и темное тело. Абсолютный дух, сущность предметов и человеческий разум оказываются в этой концепции родственными по своей природе и допускается возможность их тесного контакта, а это значит и возможность объективно истинного познания.

Правда, и в этой концепции творческий момент человеческого сознания также весьма ограничен, так как предполагается, что в нем изначально содержатся все идеи в свернутом виде и процесс познания в таком случае

предстает как постепенное развертывание ленты сознания. Стимулом же такого «развертывания» выступают как чисто логические (рациональные) предпосылки, так и эмпирические наблюдения.

Итак, объективистские концепции познания прорабатывались как материалистами, так и идеалистами. Философы верили в возможность истинного познания объективного мира. Правда, отстаивая свой идеал познания, сторонники этих направлений приписывали как объективному миру, так и человеческому разуму ряд не свойственных им признаков. Все это не могло не привести к весьма скептическим оценкам возможностей абсолютно истинного познания. Крайний объективизм порождает свою противоположность — крайний субъективизм, в рамках которого проблема соотношения материального и идеального, объективного и субъективного вообще снималась как не имеющая смысла, так как разум объявлялся единственным источником знания. А раз так, то утрачивалась необходимость поиска объективного критерия истинного знания; понятие истины полностью релятивизировалось, определялось субъективными, внутренними (логико-психологическими) критериями. При таком подходе утрачивался интерес к внешнему источнику знания, к исследованию соотношения материального и идеального. Гносеологическая проблематика приобретала сугубо психологическую или логическую направленность.

Подобные концепции, как уже отмечалось, отнюдь не являются приобретением Нового Времени. Зародившись еще в античности, они постоянно давали о себе знать на протяжении всей истории философии, как бы паразитируя на трудностях объективного познания, вместе с тем обогащая теорию познания такими идеями, которые ускользали от взора представителей объективистских концепций. Софизм, скептицизм, релятивизм, агностицизм являются разными вариантами субъективистского истолкования познавательной деятельности.

От протагорского тезиса — «Человек есть мера всех вещей» или берклианского «существовать — значит быть воспринимаемым» до современных релятивистских концепций простирается поле субъективистских трактовок человеческого познания. И весьма характерно, что философы этого направления начинают свои рассуждения не с того, как устроен мир, а с вопроса о том, что есть знание. Установив вполне очевидный факт зависимости истины и ощущений от субъективной основы познания, сторонники этого направления чрезмерно преувеличили, абсолютизировали этот аспект творческой деятельности, доводя его в одном случае до полной релятивизации истины, а в другом — до отрицания материальной основы бытия и тем самым снятия самой проблемы соотношения материального и идеального. Так, Протагор, например, отмечал: «В самом деле, я утверждаю, что истина такова, как я ее описал; а именно (что) каждый из нас есть мера существующего и несуществующего»³. Комментируя эту мысль, Секст записал: «Протагор говорил, что все продукты воображения и все мнения истинны и что истина принадлежит к тому, что относительно, вследствие того, что все явившееся или представившее кому-нибудь существует непосредственно в отношении к нему»⁴. Из подобного толкования истины вообще выпадает вопрос о внешнем источнике знания и его объективном критерии, а это означает еще и то, что вопрос о соотношении объекта и субъекта, материального и идеального утрачивал всякий смысл.

Несколько иное снятие этой проблемы прослеживается в творчестве Д. Беркли, который, не устраняя объекта познания, полностью лишил его материальной основы. При этом он не чурается и чисто софистических приемов рассуждений, ибо ему приходится доказывать весьма неочевидные истины. Он убеждает, что «все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа; что их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми; что, следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мной или не существуют в моем уме или уме какого-либо другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа»⁵. Поэтому вполне естественно, с точки зрения Беркли, что «нет иной субстанции кроме духа»⁶.

Так мир лишается своего материального основания, но вместе с ним снимается и проблема соотношения материального и духовного, все подводится под общий (духовный) знаменатель, объект и субъект познания становятся едиными по своей сути, что и допускает контакт между ними.

Своеобразное устранение материи как косной, застывшей, вечной и неизменной, из которой тем не менее формируется текучий и изменчивый мир

(основное противоречие материалистической концепции), прослеживается и в творчестве Лейбница, который в основу мира положил монаду — своеобразный духовный атом, как исходное начало и объективного, и субъективного мира. По-своему пытался разрешить эту проблему и Декарт, выдвинувший тезис о параллельном существовании двух субстанций и о врожденных идеях, дедуктивное развертывание которых и составляет суть научного познания.

Своеобразное устранение объективного источника знания как метафизической проблемы проявляется и в агностицизме, который задает такую систему гносеологических понятий, в которой вопрос об источнике знания вообще снимается, важна лишь динамика знания, переход от простых идей к сложным.

Таким образом, представители объективистских концепций стремились установить контакт между материальным и идеальным через общее основание, которое усматривалось либо в материи, либо в духе; сторонники же субъективистских концепций пошли по пути снятия этой проблемы, полагая, что духовное может развиваться только в сфере духовного.

Основной недостаток всех этих гносеологических концепций состоял в том, что познающий субъект рассматривался в них как отдельно взятая личность, наделенная сознанием, которому напрямую противостоит материальный мир. В силу определенной несовместимости этих двух миров и приходилось постулировать какие-то объединяющие моменты, или же ликвидировать один из них для преодоления этой несовместимости.

Преодолеть эту несовместимость удалось только с введением в теорию познания практики, которая, с одной стороны, связывалась с материально-физической основой бытия, а с другой — являлась выражением сознательной деятельности человека. Через практику материальное и духовное обрели наконец реальное связующее звено. Идеал практики (опыта) как связующего начала объекта и субъекта познания развивался в разных философских интерпретациях. Наиболее оригинальной из них является диалектико-материалистическая трактовка этого вопроса.

¹ Л о с с к и й Н. Основные вопросы гносеологии. Пг., 1919. С. 204.

² М а м а р д а ш в и л и М. К. // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3.

³ Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. С. 317.

⁴ Там же.

⁵ Б е р к л и Д. Соч. М., 1978. С. 172.

⁶ Там же. С. 174.

П. С. КАРАКО

ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ И ТИПОЛОГИИ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Понятие «экстремальная ситуация» используется нами для характеристики развития общества и его взаимоотношений с природой. Экстремальная ситуация включает в себя крайнюю степень этого развития, его напряженность и конфликтность, предельное, стрессовое состояние людей, неопределенность их будущего, необходимость принятия экстренных государственных управленческих решений и т. д. Сегодня есть все основания говорить о наличии многообразных экстремальных ситуаций в развитии Республики Беларусь и взаимоотношениях нашего общества с природой. Принятие адекватных управленческих решений в условиях экстремальных ситуаций связано со значительными трудностями. Последние определяются не только масштабностью проявления экстремальных ситуаций, но и нерешенными в науке управления вопросами методологии анализа подобных ситуаций, выделения их критериев и типов, влияния на жизнь общества, его экономику и здоровье людей, систему государственного управления и межгосударственных отношений и т. д. При этом первостепенное значение имеет выявление основных критериев экстремальных ситуаций. При анализе данного вопроса мы будем опираться на предложенные Б. Н. Порфирьевым критерии чрезвычайных ситуаций¹.

Самым характерным критерием экстремальных ситуаций является временной. Так, Чернобыльская катастрофа была внезапной и неожиданной